

ШЕРЛОК

Артур Конан Дойл

ВОЗВРАЩЕНИЕ
**ШЕРЛОКА
ХОЛМСА**

Предисловие
Марка Гэтисса

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111–312.4
ББК 84(4Вел)–44
Д62

Arthur Conan Doyle
THE RETURN OF SHERLOCK HOLMES

Introduction by Mark Gatiss

Published in 2014 by BBC Books, an imprint of Ebury Publishing.
Ebury Publishing is a part of the Penguin Random House group of
companies.

Sherlock is a Hartswood Films production for BBC Wales,
co-produced with MASTERPIECE.
Executive Producers: Beryl Vertue, Mark Gatiss and Steven Moffat
BBC Executive Producer: Bethan Jones
MASTERPIECE Executive Producer: Rebecca Eaton
Series Producer: Sue Vertue

Дойл, Артур Конан.
Д62 Возвращение Шерлока Холмса / Артур Конан
Дойл ; [пер. с англ.]. – Москва : Издательство АСТ,
2018. – 352 с.

ISBN 978-5-17-096101-6

Шерлок Холмс погиб. Сгинул в бездне Рейхенбахского водопада, заплатив жизнью за возможность уничтожить зловещего профессора Мориарти. Но ни читатели, ни издатели не давали сэру Артуру Конан Дойлу покоя до тех пор, пока он не «оживил» великого сыщика. И вот перед вами – сборник новых дел гения с Бейкер-стрит. Таких же блистательных, как и прежние.

УДК 821.111–312.4
ББК 84 (4Вел)–44

Introduction © Mark Gatiss, 2014.
This book is published to accompany
the television series entitled Sherlock,
first broadcast on BBC1 in 2010
Front and back cover photographs by
Colin Hutton © Hartswood Films Ltd
© М. Фетисова, перевод предисловия
© ООО «Издательство АСТ», 2016

ISBN 978-5-17-096101-6

Содержание

Предисловие Марка Гэтисса	6
Пустой дом. <i>Перевод Д. Лившиц</i>	9
Подрядчик из Норвуда. <i>Перевод Ю. Жуковой</i>	36
Пляшущие человечки. <i>Перевод М. и Н. Чуковских</i>	63
Дело об одинокой велосипедистке. <i>Перевод Г. Весниной</i>	92
Случай в интернате. <i>Перевод Н. Волжиной</i>	117
Черный Питер. <i>Перевод Н. Емельяниковой</i>	153
Конец Чарльза Огастеса Милвертона. <i>Перевод под редакцией М. Литвиновой</i>	177
Шесть Наполеонов. <i>Перевод М. и Н. Чуковских</i>	196
Три студента. <i>Перевод Н. Гвоздаревой</i>	220
Дело о золотом пенсне. <i>Перевод Г. Весниной</i>	240
Пропавший трехчетвертной. <i>Перевод Г. Весниной</i>	267
Происшествие в Эбби-Грейндж. <i>Перевод Г. Весниной</i>	293
Второе пятно. <i>Перевод Н. Емельяниковой</i>	321

ПРЕДИСЛОВИЕ

Корпя в ночи над этим предисловием, я погрузился в глубокие раздумья и позвонил в колокольчик, чтобы принесли кофе — прочистить мозги. Потом вспомнил, что у меня нет никаких слуг и потащился вниз заваривать «Нескафе».

Вернувшись всего пару минут спустя, я обнаружил, что предисловие пропало! Наполовину обезумевший от беспокойства, я с непокрытой головой бросился на улицу и был осажден самым пугающим наваждением, с которым когда-либо сталкивался: двухфутовым мулатом-ласкаром с деревянным задом и пирсингованными под колечки ушами! Он сунул мне в руку телеграмму и умчался в туман, его дыхание отдавало лакричным ассорти. «Незамедлительно приезжайте в банк Кокса, если удобно, — гласила каблограмма. — Если неудобно, не стоит беспокоиться». Я бросился на Чаринг-Кросс и там, под запятнанным ковром, на крыше поезда метро, в потертой жестяной коробке наконец-то нашел... *это*.

Все мы, вовлеченные в «Шерлока», были взволнованы, рады и ошеломлены успехом сериала. То, какую зрительскую поддержку получило наше видение Бейкер-стрит, превзошло все наши ожидания. Но, возможно, самым приятным аспектом всего предприятия было число людей, которые впервые прочитали конан-дойлевские оригинальные рассказы. Потому что все началось с сэра Артура — сопротивляющегося гения и его случайного бессмертного творения. Здесь, в «Возвращении Шерлока

Холмса», вы найдете одни из самых лучших рассказов. После «Приключений» это, определенно, мой любимый сборник историй о Холмсе.

В 1893 году, устав от своего сенсационно популярного детектива, Конан Дойл сбросил его в Рейхенбахский водопад в суровых объятиях профессора Мориарти. Публика была потрясена: плакали даже взрослые мужчины, а сам Дойл подвергался уличным нападениям. Но ничто не могло поколебать кремневое эдинбургское решение писателя. Шерлок Холмс был погребен.

Потом, в 1902 году, Дойл опубликовал «Собаку Баскервией», действие которой происходит задолго до гибели Холмса. Повесть стала грандиозным международным бестселлером. Да таким, что американский издатель предложил Дойлу откровенно ошеломляющую сумму за воскрешение великого детектива. Дойл тянул до последнего, прежде чем дал согласие в типично лаконичной телеграмме — «Очень хорошо».

Тот, кто ожидает, что новые истории нединамичны и написаны без удовольствия, будет удивлен и восхищен. Собранные в сборник под названием «Возвращение Шерлока Холмса», эти рассказы остаются такими же свежими, как краска. В «Подрядчике из Норвуда», «Пляшущих человечках», «Шести Наполеонах» и особенно «Чарльзе Огастесе Милвертоне» мы обнаруживаем, что Конан Дойл не только пребывает в расцвете сил, но и явно очень доволен, что снова пишет о своем творении. Даже в более сдержанных делах, как «Три студента» и «Пропавший трехчетвертной», чувствуется радостная живость, нахальство и переизбыток замечательных идей. И нет, возможно, большей радости, чем эффектное возвращение Шерлока к жизни в открывающем сборник рассказе «Пустой дом». «Криво» описанная японская борьба не «прокатывает», по крайней мере, с точки зрения взыскательных современных критиков, но Дойл знал, что технические подробности воскрешения Шерлока — не

главное. Общественность, все эти счастливые миллионы, просто хотела, чтобы он вернулся.

Если вы еще не читали этих историй, или даже обращаетесь к ним не в первый раз, они принесут вам ни с чем не сравнимое удовольствие. И вскоре вы обнаружите, что любовь к Шерлоку Холмсу толкает вас на совершенно невероятные вещи. Однажды в 2002 году я посетил телевизионный центр «Би-би-си», ныне, к сожалению, несуществующий. Пока я шел бесконечными обходными коридорами, то не слишком задумывался о главной новости недели, заключающейся в том, что за тысячи километров отсюда, в Кабуле, был свергнут ненавистный режим «Талибана». Я остановился как вкопанный: из лифта вышел не кто иной, как седовласый ветеран ВВС корреспондент Джон Симпсон, только что написавший подробный репортаж о революции. Я никогда не встречал мистера Симпсона, но знал, что второго шанса у меня может и не быть. Когда он проходил мимо меня, я коснулся его руки и шепнул: «Вы были в Афганистане, полагаю».

Шерлок в крови склонен принимать самые причудливые формы.

Марк Гэтисс

ПУСТОЙ ДОМ

Весной 1894 года весь Лондон был крайне взволнован, а высший свет даже потрясен убийством юного графа Рональда Адэра, совершенным при самых необычайных и загадочных обстоятельствах. В свое время широкая публика познакомилась с теми деталями этого преступления, которые выяснились в ходе полицейского дознания, но дело было настолько серьезно, что большую часть подробностей пришлось утаить. И только теперь, спустя почти десять лет, мне предоставлена возможность восполнить недостающие звенья этой изумительной цепи фактов. Преступление представляло интерес и само по себе, но интерес этот совершенно бледнел рядом с теми невероятными событиями, которые явились его следствием и которые поразили и потрясли меня больше, чем любой из эпизодов моей столь богатой приключениями жизни. Даже сейчас, после стольких лет, я все еще ощущаю трепет, вспоминая об этом деле, и вновь испытываю недоверие, изумление и радость, нахлынувшие на меня тогда и переполнившие всю мою душу. Пусть же те читатели, которые проявляли некоторый интерес к моим очеркам, повествующим о деяниях и помыслах одного замечательного человека, простят мне, что я не сразу поделился с ними своим открытием. Я счел бы своим долгом немедленно сообщить им всю эту историю, не будь я связан категорическим запрещением, исходившим из

© Перевод. Д. Лившиц, наследники, 2009.

уст этого самого человека, — запрещением, снятым совсем недавно, третьего числа прошлого месяца.

Вполне понятно, что со времени моей тесной дружбы с Шерлоком Холмсом я начал проявлять глубокий интерес к разного рода уголовным делам, а после его исчезновения стал особенно внимательно просматривать в газетах все отчеты о нераскрытых преступлениях. Не раз случалось даже, что я для собственного удовольствия пытался разгадать их, пользуясь теми же методами, какие применял мой друг, хотя далеко не с тем же успехом. Однако ни одно из этих преступлений не взволновало меня в такой мере, как трагическая гибель Рональда Адэра. Прочитав материалы следствия, установившего только то, что «убийство было преднамеренным и совершено одним или несколькими неизвестными лицами», я глубже, чем когда бы то ни было, осознал, какую тяжелую потерю понесло наше общество в лице Шерлока Холмса. В этом странном деле существовали обстоятельства, которые, несомненно, привлекли бы его особое внимание, и действия полиции были бы дополнены, или, вернее, предвосхищены, благодаря бдительному уму и изощренной наблюдательности лучшего из всех европейских сыщиков. Весь день, разъезжая по своим пациентам, я снова и снова мысленно возвращался к делу Адэра, но так и не мог найти ни одного объяснения, которое показалось бы мне удовлетворительным. Рискуя повторить то, что уже всем известно, я все-таки хочу напомнить факты в том виде, в каком они были сообщены публике после окончания следствия.

Сэр Рональд Адэр был вторым сыном графа Мэйнуса, губернатора одной из наших австралийских колоний. Мать Адэра приехала из Австралии в Англию, где ей должны были сделать глазную операцию — удалить катаракту, — и вместе с сыном Рональдом и дочерью Хильдой жила на Парк-лейн, 427. Юноша вращался в лучшем обществе, по-видимому, не имел никаких врагов и никаких особенных пороков. Одно время он был помолвлен

с мисс Эдит Вудли из Карстерса, но за несколько месяцев до описываемых событий жених и невеста решили разойтись, и, судя по всему, ничье сердце не оказалось разбитым. Вообще жизнь молодого человека протекала в узком семейном и великосветском кругу, характер у него был спокойный, а вкусы и привычки самые умеренные. И вот этого-то беззаботного молодого аристократа поразила самая странная, самая неожиданная смерть. Случилось это вечером 30 марта 1894 года, между десятью и двадцатью минутами двенадцатого.

Рональд Адэр был любителем карточной игры, постоянно играл, но никогда не выходил за пределы благоразумия. Он состоял членом трех клубов — «Болдвин», «Кавендиш» и «Бэгетель». Было установлено, что в день своей смерти, после обеда, Рональд сыграл один роббер в вист в клубе «Бэгетель». Он играл там также и до обеда.

Его партнеры — мистер Меррей, сэр Джон Харди и полковник Моран — показали, что игра шла именно в вист и что игроки остались почти при своих. Адэр проиграл, быть может, фунтов пять, но не более. Состояние у него было значительное, и такой проигрыш никак не мог его взволновать. Он играл почти ежедневно то в одном клубе, то в другом, но играл осторожно и обычно оставался в выигрыше. Из свидетельских показаний выяснилось также, что месяца за полтора до своей смерти Адэр, играя в паре с полковником Мораном, в один вечер выиграл у Годфри Милнера и лорда Балморала четыреста двадцать фунтов. Вот и все, что стало известно о последних неделях его жизни.

В тот роковой вечер он вернулся из клуба ровно в десять часов. Матери и сестры дома не было, они уехали в гости. На допросе горничная показала, что она слышала, как он вошел в свою комнату. Комната эта, расположенная во втором этаже, выходила окнами на улицу и служила ему гостиной. Перед приходом молодого графа горничная затопила там камин и, так как камин дымил, открыла окно. Ни одного звука не доносилось из комнаты

до двадцати минут двенадцатого — в это время вернулись домой леди Мэйнус и ее дочь. Леди Мэйнус хотела зайти к сыну и пожелать ему спокойной ночи, но дверь в его комнату оказалась запертой изнутри, и, несмотря на крики и стук, никто не отзывался. Тогда она подняла тревогу, и дверь пришлось взломать. Несчастный юноша лежал на полу возле стола. Голова его была страшно изуродована револьверной пулей, но никакого оружия в комнате не оказалось. На столе лежали два кредитных билета по десять фунтов и семнадцать фунтов десять шиллингов серебром и золотом, причем монеты были сложены маленькими столбиками разной величины. Рядом с ними лежал лист бумаги, на котором были написаны цифры, а против них — имена нескольких клубных приятелей Адэра. Из этого можно было заключить, что перед самой смертью молодой человек занимался подсчетом своих карточных выигрышей и проигрышей.

После тщательного расследования всех обстоятельств дело оказалось еще более загадочным. Прежде всего непонятно было, зачем молодой человек заперся изнутри. Правда, дверь мог запереть и убийца, а затем выскочить в окно, но окно находилось по меньшей мере в двадцати футах от земли, а грядка цветущих крокусов под ним оказалась совершенно нетронутой — не был помят ни один цветок. Никаких следов не осталось также на узкой полосе дерна, отделявшей дом от дороги. Итак, видимо, дверь запер сам Рональд Адэр. Но каким образом настигла его смерть? Ведь никто не мог бы влезть в окно, не оставив следов. Если же предположить, что убийца стрелял через окно, то, по-видимому, это был замечательный стрелок, так как убить человека наповал револьверной пулей на таком расстоянии чрезвычайно трудно. Кроме того, Парк-лейн — многолюдная улица, и в каких-нибудь ста ярдах от дома находится стоянка кебов. Однако выстрела никто не слышал. А между тем налицо был убитый и налицо была револьверная пуля, которая прошла навывлет и, судя по характеру раны,

явилась причиной моментальной смерти. Таковы были обстоятельства таинственного убийства на Парк-лейн — убийства, загадочность которого еще усиливалась из-за полного отсутствия каких-либо видимых мотивов: ведь, как я уже говорил, у молодого Адэра не было как будто никаких врагов, а деньги и ценности, находившиеся в комнате, остались нетронутыми.

Весь день я перебирал в уме все эти факты, пытаюсь применить к ним какую-нибудь теорию, которая примирила бы их между собой, и найти «точку наименьшего сопротивления», которую мой погибший друг считал отправным пунктом всякого расследования. Должен признаться, что это мне не удалось. Вечером я бродил по парку и около шести часов очутился вдруг на углу Парк-лейн и Оксфорд-стрит. На тротуаре собралась толпа зевак, глазевших на одно и то же окно, и я понял, что это был тот самый дом, где произошло убийство. Высокий худой человек в темных очках, по-моему, переодетый сыщик, развивал какую-то теорию по поводу случившегося, остальные слушали, окружив его тесным кольцом. Я протиснулся поближе, но его рассуждения показались мне до того нелепыми, что с чувством, близким к отвращению, я подался назад, стремясь уйти. При этом я нечаянно толкнул какого-то сгорбленного старика, стоявшего сзади, и он уронил несколько книг, которые держал под мышкой. Помогая ему поднимать их, я заметил заглавие одной книги: «Происхождение культа деревьев» — и подумал, что, по-видимому, это какой-нибудь бедный библиофил, который то ли ради заработка, то ли из любви к искусству собирает редкие издания. Я начал было извиняться перед ним, но, должно быть, эти книги, с которыми я имел несчастье обойтись столь невежливо, были очень дороги их владельцу, ибо он сердито буркнул что-то, презрительно отвернулся, и вскоре его сгорбленная спина и седые бакенбарды исчезли в толпе.

Мои наблюдения над домом 427 по Парк-лейн мало чем помогли мне в разрешении заинтересовавшей меня

загадки. Дом отделялся от улицы низенькой стеной с решеткой, причем все это вместе не достигало и пяти футов. Следовательно, каждый мог легко проникнуть в сад. Зато окно было совершенно неприступно: возле него не было ни водосточной трубы, ни малейшего выступа, так что взобраться по стене не мог бы даже самый искусный гимнаст. Недоумевая еще больше прежнего, я отправился обратно в Кенсингтон и пришел домой. Но не пробыл я у себя в кабинете и пяти минут, как горничная доложила, что меня желает видеть какой-то человек. К моему удивлению, это оказался не кто иной, как мой оригинальный старик библиофил. Его острое морщинистое лицо выглядывало из рамки седых волос; под мышкой он держал не менее дюжины своих драгоценных книг.

— Вы, конечно, удивлены моим приходом, сэр? — спросил он странным, каркающим голосом.

Я подтвердил его догадку.

— Видите ли, сэр, я человек деликатный. Ковыляя сзади по той же дороге, что и вы, я вдруг увидел, как вы вошли в этот дом, и решил про себя, что должен зайти к такому любезному господину и извиниться перед ним. Ведь если я и был чуточку груб с вами, сэр, то, право же, не хотел обидеть вас и очень вам благодарен за то, что вы подняли мои книги.

— Не стоит говорить о таких пустяках, — сказал я. — А позвольте спросить, как вы узнали, кто я?

— Осмелюсь сказать, сэр, что я ваш сосед. Моя маленькая книжная лавчонка находится на углу Черч-стрит, и я буду счастлив, если вы когда-нибудь посетите меня. Может быть, вы тоже собираете книги, сэр? Вот «Птицы Британии», «Катулл», «Священная война». Купите, сэр. Отдам за бесценок. Пять томов как раз заполнят пустое место на второй полке вашего книжного шкафа, а то у нее какой-то неаккуратный вид, не правда ли, сэр?

Я оглянулся, чтобы посмотреть на полку, а когда я снова повернул голову, возле моего письменного стола стоял, улыбаясь мне, Шерлок Холмс. Я вскочил и не-

сколько секунд смотрел на него в немом изумлении, а потом, должно быть, потерял сознание — в первый и, надеюсь, в последний раз в моей жизни. Помню только, что какой-то серый туман закружился у меня перед глазами, а когда он рассеялся, воротник у меня оказался расстегнутым и на губах я ощутил вкус коньяка. Холмс стоял с фляжкой в руке, наклонившись над моим стулом.

— Дорогой мой Уотсон, — сказал хорошо знакомый голос, — приношу тысячу извинений. Я никак не предполагал, что это так подействует на вас.

Я схватил его за руку.

— Холмс! — вскричал я. — Вы ли это? Неужели вы в самом деле живы? Возможно ли, что вам удалось выбраться из этой ужасной пропасти?

— Погодите минутку, — ответил он. — Вы уверены, что уже в состоянии вести беседу? Мое чересчур эффектное появление слишком взволновало вас.

— Мне лучше, но, право же, Холмс, я не верю своим глазам. Боже милостивый! Неужели это вы, вы, а никто иной, стоите в моем кабинете? — Я снова схватил его за рукав и ощупал его тонкую мускулистую руку. — Нет, вы не дух, это несомненно, — сказал я. — Дорогой мой друг, до чего я счастлив, что вижу вас! Садитесь же и рассказывайте, каким образом вам удалось спастись из той страшной бездны.

Холмс сел против меня и знакомым небрежным жестом закурил папиросу. На нем был поношенный сюртук букиниста, но все остальные принадлежности этого маскарада — кучка седых волос и связка старых книг — лежали на столе. Казалось, он еще более похудел и взгляд его стал еще более пронзителен. Мертвенная бледность его тонкого лица с орлиным носом свидетельствовала, что образ жизни, который он вел в последнее время, был не слишком полезен для его здоровья.

— Как приятно вытянуться, Уотсон! — сказал он. — Человеку высокого роста нелегко сделаться короче на целый фут и оставаться в таком положении несколько